

ВЛАДИМИР КУНИН

КЫСЯ

КЫСЯ-2

ФТМ

2022

УДК 82/821-821.161.1

ББК 84(2)

**Оригинал-макет книги для PoD-издания
подготовлен ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»**

Кунин, В.

Кыся. Кыся-2 [Сборник]. / Владимир Кунин. — Москва: ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2022. — 542 с.

ISBN 978-5-521-74527-2

Первая из четырех книг русского писателя Владимира Кунина об авантюрных и озорных похождениях питерского кота Мартына, он же Кыся, в России и за рубежом. Мартын — непростой кот. Он — философ, гедонист и неисправимый плейбой. Волею судеб он попадает в различные, захватывающие дух, приключения, выбраться из которых и распутать множество криминальных тайн под силу только истинному коту с ласковым прозвищем Кыся.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

ISBN 978-5-521-74527-2

© Текст. В. В. Кунин, наследники, 2019

© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2019

Кыся

Счастлив, кто падает вниз головой.
Мир для него, хоть на миг, а иной.

Владислав Ходасевич

Только я пристроился сзади к этой кошечке, только прихватил ее за нежный пушистый загривочек, только почувствовал, как ее потрясающий рыжий хвостик туго напружинился и стрункой вытянулся вверх и чуть вбок в ответном желании, открывая мне, как сказал бы мой Человек Шура Плоткин «врата блаженства»... А Шура знает, что говорит — он литератор. И когда к нам приходят разные его бабешки, он сначала читает им свои сочинения, а потом начинает их раздевать, бормоча разные вот такие слова, вроде «врата блаженства», «жаркий оазис любви», «испепеляющее желание», и так далее. Причем, ни в одном его сочинении, которые он этим дурочкам читает, я никогда не слышу этих слов. Шура как я — абсолютно беспородный, но ума у него хватает, чтобы в своих статьях и рассказах такие роскошные выражения не употреблять. Тем более, я же слышу, с какими интонациями он эти пышные слова произносит. Будто бы внутренне хихикает...

Он иногда пытается и со мной так разговаривать, не такими словами, а такими интонациями. И, не скрою, я этого очень не люблю. В таких случаях я просто отворачиваюсь от Шуры и сажусь к нему спиной. И тогда Шура начинает извиняться передо мной и подлизываться. Должен отметить — совершенно искренне. И я его прощаю.

Ну, так значит, только я взобрался трахнуть эту кошечку, эту прелестную рыжую киску, или, как выражается иногда мой Шура, влезая на свою очередную гостью, —

«вонзиться в ее пылающий рай», как вдруг совершенно неожиданно что-то большое, жесткое, сетчатое, очень больно стукнув меня по кончику хвоста, накрыло нас обоих, и прежде, чем я успел сообразить что же произошло, я услышал мерзейший голос этой сволочи Пилипенко:

— Пиздец коту!!! Васька, затачивай сачок поскорей, а то этот прохиндей опять вырвется!.. Он уже от нас раз пять смыливался! Это котяра того самого жида, который в газеты пишет.

Ну надо же, гад, подонок, в какой момент подловил!.. Прав был Шура, когда говорил мне: «Ах, Мартын, не доведут нас с тобой яйца до добра...»

— Затачивай сачок, кому говорю! — орет Пилипенко, и подлец Васька затачивает сачок туго-натуго. И мы с моей рыжей лапочкой оказываемся тесно спеленутые сетью. Естественно, тут уже не до «врат блаженства» и «жаркого оазиса», да и, честно говоря, у меня от испуга и неожиданности просто нечем было бы «вонзиться в пылающий рай» этой рыжей дурехи, которая от ужаса, кретинка, завопила таким дурным голосом, что если бы я в другой, менее экстремальной обстановке, услышал бы от нее такую истерику, у меня просто вообще не встал бы на нее никогда.

— Все, бля, — говорит Пилипенко. — Теперь он мой!

— Кто? — спрашивает Васька.

Васька с первого раза ни во что не врубается. Редкостный болван! Откуда эту дубину стоеросовую Пилипенко себе в помощники выискал? Ваську напарить — проще простого. Он — не Пилипенко. Тот, хоть и гад, хоть и сволочь, и живодер, но далеко не дурак.

— Кто «твой-то»? — переспрашивает Васька.

— А они обеи! И еврей, и его котяра. Они у меня теперь вона где, — и Пилипенко хлопает себя по карману. — Захочет свою животную взад получить? Наше вам пожалуйста. Пришлите полсотни баксов, и кот ваш. Я его все едино еще раз отловлю. Не хотите платить — я вашего котика в лучшем виде в НИИ физиологии представлю. Нехай этот ваш ебарь-террорист науке послужит. Его там распотрошат на составные части, и он еще своим трупом миру пользу принесет. Конечно, капусты будет меньше, гроши одни — счас на науку ни хрена не дают, но, как говорится, с худой овцы...

— Был бы он породистый, можно было бы яво на шапку пустить, — говорит Васька. — Гля, какой здоровущий!..

— А хули толку, что здоровущий? — отвечает ему Пилипенко. — У его вся шкура спорчена, морда исполосована, уши рваные. Весь, куда ни глянь, везде в шрамах. Его даже овчарки боятся! Будешь пересаживать из сетки в «воронок», рукавицы надень. И поглядывай. С им только зазевайся — враз в глотку вцепится!

И, несмотря на унижительность моего сиюсекундного положения, несмотря на, честно говоря, заползающий в душу холодок обреченности, чему немало способствовали истошные вопли этой рыжей идиотки, прижатой ко мне безжалостными пилипенковскими узами, я не без гордости вспомнил, как два месяца тому назад, когда Пилипенко накрыл меня своим гнусным сачком почти в аналогичной ситуации, я прокусил ему ухо и разодрал левую руку чуть ли не до кости. Чем, не скрою, и спасся...

Он был просто вынужден отшвырнуть меня и броситься к своей машине, к этому своему отвратительному «воронку», за аптечкой. При этом он изрыгал из себя такой чудовищный мат, которого я не слышал даже от своего Шуры Плоткина, когда тот схватил триппер на одной, как он говорил, «очччень порядочной замужней женщине»...

— Так что ты с ним поосторожней, — говорит Пилипенко про меня.

— Ладно... Учи ученого, — отмахивается Васька. — А с этой рыжей че делать? Хозяев не знаем, для лаборатории, вроде, мелковата. Они просили крупняк подбирать...

— Ниче!.. Пока пихай ее в общую клетку. Приедем на место и выпустим на хер. Нехай блядюшка теперь там погуляет. Я на ее, как на живца, уже шешнадцатого кота беру!..

Вот это да!!! О господи!.. Боже ж ты мой, скольких же невинных, влекомых лишь нормальным здоровым половым инстинктом, эта рыжая стерва, эта предательница, эта гнусная тварь привела к мучениям на лабораторных столах института физиологии?! Из скольких же бедолаг эти два умельца — Пилипенко и Васька — сотворили свои уродливые шапки для Калининского рынка?.. Кошмар!..

Первым моим желанием было немедленно перекусить ей глотку. Но мы были спеленуты одной сетью и я не мог пошевелиться. И от полной невозможности мгновенно произвести справедливый акт отомщения и заслуженного наказания я вдруг впал в такую апатию,

такое безразличие к своей дальнейшей судьбе, что от охватившего меня бессилия захотелось просто тихо заплакать...

Поэтому, когда Васька принес нас к «воронку» — старому, раздолбанному «Москвичу» с фургончиком, открыл заднюю дверцу и выгрузил нас из сачка в стоящую внутри фургона клетку, — я даже не рыпнулся, а эта рыжая провокаторша, эта тварь продолжала орать, как умиленная.

— Гля, какой смирный!.. — удивился Васька и опустил вниз заслонку клетки. — А ты говорил...

— Смирный — еще не покоренный, — ответил ему Пилипенко и сел за руль. — Этот еврейский котяра так себе на уме, что не знаешь, чего от него ждать. Жаль только, что у его жида вошь в кармане да блоха на аркане, а то б я с него за этого кота и сто баксов слупил бы. Садись, Васька, не мудохайся! А то кто-нибудь из хозяев этих шмакодявок объявится, и нам опять морду набьют...

Васька заторопился, захлопнул дверь фургона, и во внезапно наступившей темноте, я отчетливо увидел, что впопыхах он забыл защелкнуть металлическую задвижку на опущенной заслонке кошачьей клетки. Так что при желании и некотором усилии заслонку можно было бы приподнять лапой... Апатии у меня — как не бывало!

Пилипенко завел мотор и мы поехали.

Я огляделся. В нашем кошачьем отделении (в фургончике была еще одна клетка — для собак) сидели и понуро лежали штук пятнадцать малознакомых мне Котов и Кошек. Но, судя по тому, как многие увидев меня, подобрали под себя хвосты и прижали уши, меня тут знали.

И только один Кот не прижал уши к голове. Тощий, обшарпанный, с клочковатой свалявшейся шерстью, со слезящимися глазами и обрубленным хвостом — типичный представитель безымянно-бездомного подвально-помоечного сословия, без малейшего страха подошел ко мне и сел рядом, глядя на меня с преданностью и надеждой.

Когда-то на пустыре за нашим домом я отбил этого несчастного бродягу от двух крупных домашних Котов, изрядно попортив им шкуры и наглые сытые морды.

На следующий день после этого побоища Шура выпустил меня прошвырнуться по свежему воздуху и совершить свои естественные отправления. Дома я этого не делал никогда, даже в самые лютые морозные зимние дни. Таким образом мой Человек Шура Плоткин был начисто избавлен от необходимости заготавливать для меня песок и нюхать едкую вонь кошачьей мочи и кала.

Наш дом стоит в новом районе, в глубине квартала, и я с детства выторговал себе право в любое время уходить из квартиры и возвращаться в нее только тогда, когда мне этого захочется.

Короче, когда я на следующий день выполз из нашей парадной и с наслаждением потянулся до хруста, до сто-на, и новое прохладное утро стало вливаться во все мое тело — от влажного носа, устремленного в синее весеннее небо, до кончика хвоста, туго вытянутого к горизонту, — я вдруг увидел вчерашнего кота-бродягу, сидящего неподалеку от моего дома. Между его тощих и грязных лап лежала здоровенная мертвая крыса.

Бродяга приветливо дернул обрубком хвоста и переместился сантиметров на двадцать левее задущенной им крысы, предлагая мне ее в подарок.

Я подошел. Как и положено, мы обнюхались, а потом я ему битый час втолковывал, что вообще-то я крыс не ем, что жратвы у меня и дома навалом, но подарок его я ценю и очень ему благодарен.

В подтверждении искренности своих чувств я на его глазах отнес крысу за дом, выкопал там ямку и зарыл ее туда, делая вид, что как-нибудь обязательно вернусь за ней и вот уж тогда-то мы и устроим пир горой!.. А пока, если он хочет шмат нормальной сырой рыбы под названием «хек мороженный», я могу смотаться домой и принести ему. Тем более, что она уже оттаяла.

Но то ли этот несчастный кот не знал, что такое «рыба», то ли никак не мог взять в толк, как это возможно «не есть крыс?!», но он деликатно (что, кстати, гораздо чаще встречается у простых дворовых особей, чем у породистых и домашних) отказался от моего предложения, куда-то сбегал и привел мне совершенно незнакомую, очень миловидную грязно-белую кошечку, которую я тут же и трахнул за его здоровье.

А он смотрел, как я это делаю, жмурился от удовольствия и, кажется, был абсолютно счастлив, что наконец-то смог мне угодить...

Вот этот-то Кот и сидел сейчас рядом со мной. Сидел и смотрел на меня. Только один-единственный раз он покосился на незащелкнутую задвижку от заслонки, давая мне возможность понять, что и он тоже заметил Васькину оплошность. Я клянусь, что мы с ним не произнесли ни звука!